

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ АРТИСТА
ТЕАТРА ЮНОГО ЗРИТЕЛЯ
ИМЕНИ 50-ЛЕТИЯ ВЛКСМ
А. Б. ДМИТРИЕВА

ЗРЕЛОСТЬ ТАЛАНТА

Уж если нет на свете новизны,
А есть лишь повторение былого,
То понапрасну мы страдать должны,
Рожденное давно, рождая снова.
В. ШЕКСПИР.

В ПЕЧАТЛЕНИЯ и события, наслаиваясь друг на друга, оседают в душе, еще долго сохраняя свою яркость. И порой какой-нибудь штрих сегодняшней жизни вдруг властно потянет нас в прошлое, заставит пережить полно и глубоко то, далекое. Это может быть или неторопливое дребезжанье старенького трамвая, или верба, сломанная в половодье, нелепым обручком чернеющая среди необозримой серо-голубой глади реки, или вечно живые цветы у неугаемого пламени братских могил...

Здесь всегда тихо. Ровные ряды плит, под которыми лежат безымянные защитники Ленинграда, и Вечный огонь у подножия. Где похоронены мать, отец и старший брат, Александр не знает, но всегда приходит на Пискаревское кладбище. В его строгой тишине он слышит грохот разрывавшихся на соседней улице бомб, видит затемненные безликие окна блокадного города, ощущает тепло маленькой буржуйки, которую топили обломками мебели и учебниками брата. Еще помнит Александр запах хлеба, горьковатого и серого, который мама бережно делила на три маленьких кусочка. Ему, шестилетнему малышу, и себе. Третий — она отдавала сыну на ужин. Однажды мама заснула, заснула навсегда. Пришли какие-то люди с зелеными, изможденными лицами и увели Сашу с собой. А запах хлеба, слившийся воедино с запахом выстуженного, осиротевшего жилища навсегда остался в душе.

Где, в каких тайниках души до поры до времени зреет призвание, выливаясь потом в осознанное желание посвятить себя тому или иному делу! У каждого свой путь поиска. А к Дмитрию, артисту астраханского ТЮЗа, призвание пришло само. Семилетним мальчиком он впервые выступил в роли собаки в сказке «Морозко». Смешная и тощая была эта собака. Дружно веселились полуголодные мальчишки и девочки из детского дома. Маленький Саша и другие «артисты» с необыкновенной серьезностью относились к

занятиям в драматическом кружке, чтобы потом, на спектакле, несколько десятков ребят, согнанных сюда войной, смеялись заразительно и звонко. Смех им был тогда так же необходим, как и хлеб. С тех самых пор и определилось призвание А. Дмитриева, полюбился детский зрительный зал.

ПО вечерам, сырым, туманным ленинградским вечерам, зажигались фонари у подъездов театров. Билетов было не достать. Но Саша все же попадал на все премьеры. И с каждым днем и годом крепло в юноше желание быть актером. В армии, где он прослужил три года после окончания школы, это стремление не заглохло, а, наоборот, приобрело еще большую силу. Дмитриев стал заводилой самодеятельности. Без его участия не проходил ни один спектакль и концерт. Молодой воин сочинял и пел зазорные агитки, оформлял сцену к праздникам. А ночью, когда засыпали товарищи, ему виделась другая сцена — МХАТа.

МЕЧТА эта осуществилась. Александр стал учеником народного артиста СССР Кедрова в школе-студии при МХАТе. Два года учебы здесь дали очень многое.

Но Дмитриев переходит в студию при ленинградском ТЮЗе, которой руководили в то время народный артист СССР А. А. Брянцев и народный артист РСФСР Л. Ф. Макарьев. Время учебы в суете репетиций, сдаче зачетов по мастерству актера и экзаменов пролетело быстро. Вот и дипломный спектакль — «Дядя Ваня» А. П. Чехова, в котором Александр играл главную роль. Больно и неуютно было дяде Ване — Дмитриеву, жизнь прошла, не подарив ему радости. Но все же драма несостоявшейся судьбы, скрытая под ироничным и чуть горьковатым юмором Чехова, во всей своей многогранности полутонов и оттенков неполностью воплотилась в трактовку образа. Восприятие драматургии Чехова было поэтически наивным. Не было опыта, мал был багаж мастерства. Сейчас совсем по-другому актер сыграл бы дядю Ваню, свою первую и любимую роль.

СНАЧАЛА было необыкновенно трудно, сцена пугала своей пустотой, деревнели ноги, выпаливал слова роли, совершенно не слушая партнера. По каплям, по штрихам накапливал опыт А. Дмитриев, который потом через несколько лет позволил создать ему образ В. И. Ленина в пьесе Н. Погодина «Человек с ружьем» в концертной программе Ленинградской эстрады, с которой он объездил почти всю страну.

Но любовь к детскому театру оказалась сильнее. Дмитриев опять возвратился к своему благодарному маленькому зрителю. Вот уже четвертый сезон актер работает в Астраханском ТЮЗе. На его счету около 50 ролей, и большая половина их сыграна здесь. Это и Труфальдино в комедии К. Гольдони «Слуга двух господ», и доктор Лещ в «Последних» А. Горького, король в «Голом короле» Е. Шварца, Карабас-Барабас в «Золотом ключике» и многие другие роли. Во многих спектаклях, в которых играл и играет артист Дмитриев, он участвует не только как исполнитель роли, но и как режиссер. Его сейчас привлекает воплощение в единую основную мысль спектакля различных актерских интерпретаций ролей, сложные перелетания человеческих взаимоотношений, где рядом с высоким взлетом одних уживается мелкое, мещанское. Показать зрителю внутренний мир человека во всей его сложности — творческое кредо А. Дмитриева как актера, так и режиссера. И оно в полной мере проявляется во всех его работах — будь то король, доктор Лещ или веселый бесшабашный Труфальдино.

ГДЕ-ТО в душе, как и у всякого актера, у Дмитриева есть любовное и трепетное отношение к еще несыгранной роли, которую ждешь и вынашиваешь годами. Это Фамусов из комедии Грибоедова «Горе от ума».

А сегодня... Иногда вдруг начинаешь уставать от суматошной актерской жизни, когда две-три недели подряд играешь по два спектакля в день и не всегда интересных, появляется ворчливость на всех и вся. Дни бегут серой вереницей, сменяя друг друга, не оставляя заметного следа в душе. И тогда кажется, что растерялся талант на маленькие поделки, и опыт, приобретенный добрым десятком лет, тает тяжким грузом вниз — к ремеслу. Но однажды среди обычной повседневности на каком-нибудь спектакле вдруг окатит душу жгуче горькой волной, опалит, заставит трепетать сердце. Сцена вдруг станет улицей, небом, лесом, и слова, столько раз произносимые, приобретут новое, живое значение. А там, в темноте зала, будут волноваться и радоваться за судьбу героя маленькие зрители. И сонет Шекспира зазвучит по-новому в душе актера: «Не понапрасну мы страдать должны, рожденное давно, рождая снова». И захочется играть много и хорошо, отдавая людям силу своего мастерства, зрелость таланта.

Г. ВОЛЧКОВА.